

«Колебания» как основной мотив партийной чистки (Наркомфин СССР, декабрь 1929 г.)

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Iurganov@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется партийная чистка в декабре 1929 г. в главном советском учреждении, проводившем политику нэпа – в наркомате финансов СССР. Анализ архивных материалов показывает, что основной мотив партийной «чистки» сводился к тому, чтобы убрать всех тех работников, которые в той или иной степени были причастны к осуществлению новой экономической политики, убрать путем обвинений в разного рода «колебаниях», которые рассматривались максимально расширительно – от «правого уклона» до семейных дразг. На смену Уставу партии приходит критерий, сущность которого заключается в обезличивании всего человеческого, в стремлении искоренить любое «колебание» коммуниста как проявление личного начала. Эта чистка – первый и самый важный этап в создании тоталитарной системы власти.

Ключевые слова: наркомат финансов СССР, партийная чистка, Сталин, М.И. Фрумкин, сталинизм, новая экономическая политика, военный коммунизм, тоталитаризм

Для цитирования: Юрганов А.Л. «Колебания» как основной мотив партийной чистки (Наркомфин СССР, декабрь 1929 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 9. С. 95–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-95-117

“Deviations” as the main motive for the party purge (People’s Commissariat of Finance of the USSR, December 1929)

Andrei L. Yurganov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article studies the party purge in December 1929 in the main Soviet institution that implemented the policy of the NEP – the People’s Com-

missariat of Finance of the USSR. The analysis of archival materials shows that the main motive for the party “purge” was to remove all those workers who were involved to a greater or lesser extent in the implementation of the new economic policy, to remove them by accusing them of various kinds of “deviations”, which were considered as broadly as possible – from “right-wing position” to family squabbles. The Party Charter is being replaced by a criterion, the essence of which is the depersonalization of everything human, the urge to eradicate any “hesitation” of a communist as a manifestation of a personal beginning. That purge is the first and most important stage in the creation of a totalitarian system of power.

Keywords: People’s Commissariat of Finance of the USSR, party purge, Stalin, M.I. Frumkin, Stalinism, new economic policy, military communism, totalitarianism

For citation: Yurganov, A.L. (2025), “‘Deviations’ as the main motive for the party purge (People’s Commissariat of Finance of the USSR, December 1929)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 95–117, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-95-117

На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 г. В.М. Молотов сказал, что «генеральная чистка партии стучится к нам в двери». В Бюллетене ЦКК – НК РКИ в ноябре 1928 г. был опубликован проект плана работ НК РКИ СССР на 1928/29 г., который содержал преамбулу о состоянии государственного аппарата в целом. Чистка партийная и чистка государственного аппарата были едины в необходимости репрессивных мероприятий при переходе от нэпа к ускоренной индустриализации, но они радикально отличались по смыслу стоящих задач и методов проведения общей кампании [Киселева 2014]. Если в чистке государственного аппарата основное внимание уделялось социальному происхождению работника – чуждому или не чуждому пролетарской власти – то в партийной чистке основной мотив заключался, прежде всего, в обнаружении «колебаний». Это был момент, когда разворачивалась борьба Сталина с «правым» уклоном [Анфертьев 2020].

Наркомат финансов СССР стал главной мишенью Сталина в борьбе с так называемой «правой опасностью». М.И. Фрумкин, будучи заместителем наркома финансов, оказался первым, кто открыто выступил против насильственной коллективизации. 15 июня 1928 г. он написал письмо членам ЦК ВКП(б), в котором сообщил, что «деревня... настроена против нас»¹.

¹ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 291.

Фрумкин привел цитаты из выступлений руководителей партии, в которых говорилось о «вреде» середняка². Деформация ленинской политики пугала поворотом к практике военного коммунизма.

Наркомат финансов СССР в силу своей высокоинтеллектуальной деятельности не мог не приглашать на работу дореволюционных специалистов, с помощью которых стране Советов удавалось создавать благоприятные условия для сочетания рыночного хозяйства с планово-директивным стилем управления. Коммунисты наркомата, во многом определявшие позицию руководства, были главным штабом по проведению новой экономической политики. Поворот к новой гражданской войне означал, что чистка партии предполагала и новый набор требований к коммунисту. Архивные документы наркомата за декабрь 1929 г. показывают, что во всех персональных делах коммунистов основной алгоритм обвинения – это «колебания». Но смысл колебаний не сводился только к уклонам – правому, левому, или к примиренчеству, – нет! «Колебания» или, как тогда говорили, «неправильности», выявляемые партийной комиссией, относились к целому комплексу нормативных требований.

Типология выявленных «колебаний» такова: это, прежде всего, политические колебания, а также личностно-психологические (грубость, невосдержанность, вредные привычки и т. д.) и бытовые (отношения в семье, с соседями, антисемитизм).

Чистка партийного коллектива наркомата финансов в 1929 г. репрезентативно отражает собой общее направление всех партийных чисток. В атомарном состоянии она показывает внутренний мир аналогичных партийных мероприятий и служит основанием для выводов, которые не могут ограничиваться только историей наркомата, – это типичный сценарий любой партийной чистки.

В декабре 1929 г. в наркомате финансов «чистились» как его руководители, начиная с М.И. Фрумкина (замнаркома), так и рядовые коммунисты.

Колебания политические.

Дореволюционная биография коммуниста

Политические колебания рассматривались расширительно. Настолько расширительно, что даже дореволюционная биография коммуниста оказывалась существенной для характеристики

---

² Там же. С. 292–293.

настоящего положения. От коммуниста требовалась предельная честность. Если рабочие группы, создаваемые специально для чистки, находили в документах что-то, о чем коммунист умалчивал, то это рассматривалось как обман с плохими последствиями, вплоть до исключения из партии. Обнаруживаются две стратегии спасения себя во время «чистки» – увести внимание комиссии в сторону, не говоря о самых опасных темах (в расчете, что не докопаются) и наоборот – делать ставку на исключительную искренность (в расчете на то, что даже «плохую» правду, но правду, не осудят).

Каждый коммунист, проходя через чистку, сначала рассказывал о себе, ему задавали вопросы и после этого открывались прения, в которых звучали мнения не только членов парткомиссии, но и беспартийных (в основном рабочих).

Начальник Госфинконтроля Арон Исакович Вайнштейн не боялся вопросов о своем дореволюционном прошлом, когда он был во главе политической партии Бунд (1917–1921). Он осознавал, что именно под его руководством еврейская социалистическая партия вошла в состав РКП(б), растворившись в ней. Но Вайнштейн постарался «проскочить» в своей биографии время лета–осени 1917 г., когда он довольно резко выступал против большевиков. Например, в резолюции Совещания при ЦК Бунда от 7 (20) ноября 1917 г. утверждалось, что вина за развязывание гражданской войны в России лежит на партии большевиков: «Большевики, которые образуют наиболее организованную часть революционной демократии, несут на себе, без сомнения, политическую ответственность за теперешнее восстание и гражданскую войну, за восстание, которое они начали против воли большинства революционной демократии...»³.

Вайнштейну повезло – рабочие бригады и товарищи по партии не нашли (или не захотели искать) подобные высказывания.

Иначе поступил заместитель начальника Планово-экономического управления наркомата Лев Григорьевич Шанин-Шапиро. Фактически он исполнял обязанности начальника, так как руководитель этого управления, Леонид Наумович Юровский, выдающийся экономист и горячий сторонник нэпа, за месяц до чистки сам уволился из наркомата. Шанину-Шапиро нечего было терять – риск в его положении мог оказаться спасительным.

Он с предельной откровенностью стал рассказывать о своем дореволюционном прошлом. Родился в семье богатого лесопромышленника и домовладельца. В юности увлекся марксизмом, в 13 лет читал «Капитал» Маркса, сочинения Лаврова и Канта. В 15 лет

---

³ *Рафес М.* Очерки по истории «Бунда». М.: Московский рабочий, 1923. С. 421–422.

уехал за границу, познакомился с Куновым и Каутским, состоял в партии Бунд. В 1908 г. порвал отношения с партией, поступил на Юридический факультет Московского университета. В 1917 г. примкнул к меньшевикам и «занимал оборонческую позицию», работая в Земском союзе в качестве заведующего отделом одной из армий. Мог бы не говорить о себе такое во время чистки, но сказал: «После июльских дней 1917 г. выступал резко против большевиков, требуя положить конец разыгравшейся солдатчине». После Октябрьского переворота отошел от политической жизни, «много работал над собой и пришел в январе 1918 г. к решению порвать с меньшевиками и вступить в ВКП(б)». Хотел того или нет, но Шанин-Шапиро честно сообщал парткомиссии, что он всякий раз уходил из той или иной партийной организации, когда она проигрывала: из Бунда он ушел, по его словам, потому что «революция пошла на спад», от меньшевиков отрекся, потому что они проиграли... В дальнейшем он работал в наркомате просвещения, во время Гражданской войны был на фронте, исполняя обязанности заместителя начальника политического отдела 60-й дивизии⁴.

Если в отношении дореволюционной деятельности он не считал нужным что-либо скрывать, то свое отношение к левакам и правым он пытался представить как правильное отношение, и даже провидческое.

Вопросы членов комиссии были обращены в основном к дореволюционному прошлому:

Как попал в университет, если не имел как еврей права на жительство в Москве?

— Я тогда принял крещение из-за жены, ради которой хотел жить в Москве.

За что получил в 1920 г. выговор?

— Я получил выговор за то, что опубликовал на Замоскворецком партактиве цифры, которые не подлежали оглашению, но когда я доказал, что эти цифры были опубликованы, то с меня выговор был снят.

Почему ни разу не был арестован до революции?

— Потому что почти не вел организационной работы, а на нелегальном положении был мало и никакой общественной организационной работы тоже не вел.

Как избежал службы в царской армии?

— Отец дал взятку и меня признали непригодным к военной службе⁵.

---

⁴ ЦГА Москвы. П-7. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 20 об.

Повлияла ли откровенность Шанина-Шапира на решение парткомиссии? Повлияла, конечно, но не так, как он того хотел. Член парткомиссии т. Шкловский предложил исключить Шанино-Шапира из партии потому, что он «переходил из одной партии в другую, тогда как эта партия имела власть или влияние. Шанин *был всегда индивидуалистом* (курсив мой. – А. Ю.) и таковым остался и сегодня». Дореволюционное прошлое формально не имело отношение к чистке, но де-факто – открывает не сиюминутную характеристику коммуниста, а его способность к колебаниям вообще. Суждение Шкловского было положено в основу решения об исключении Шанина-Шапира из партии. Однако не все были согласны с таким предложением. Один из членов комиссии, Т. Мицкевич, директор Музея революции, старший член ВКП(б), возражал, говоря, что Шанин-Шапира – это «не примазавшийся к партии»: «Я считаю Шанина человеком искренним и абсолютно морально чистым и его выступления на собраниях служат доказательством этого. Его выступление на собрании сегодня не является саморекламой, а саморазоблачением»⁶.

Разумеется, дореволюционная биография не была решающим аргументом при принятии решения, но она включалась в оценочные суждения – и «чистка» обретала вне-контекстуальный смысл определения сущности человека, его изначальной способности сливаться с партией [Смирнова 2003; Нерар 2011]. Один из критиков Шанина-Шапира, тов. Лебединский, говорил на собрании: «Шанин все время колебался от генеральной линии партии, потому что он ярко выраженный тип индивидуалиста-меньшевика»⁷.

Интересно проходило обсуждение Рудольфа Моисеевича Штарова, старшего инспектора и консультанта Наркомфина СССР. В своей биографии он сообщал: работал в типографии, образование – гимназия, член партии большевиков с 1918 г., в других партиях не состоял, был призван на фронт в 1915 г., за распространение «пораженческой литературы» просидел в тюрьме около года, с 1919 по 1920 г. служил в Красной Армии в качестве Уполномоченного по снабжению дивизии, с 1923 г. – в Наркомфине СССР.

Вопросы комиссии были обращены не просто в дореволюционное прошлое, а в прошлое партийца, которому следует объяснить, почему он раньше не вступал в партию. Так и прозвучал один из вопросов: «Почему раньше не вступал в партию?». Штаров ответил: «У нас была активная организация Бунда и не было организации большевиков. Кругжки создавались на время необходимой работы,

---

⁶ Там же. Л. 21.

⁷ Там же. Л. 22.

постоянного кружка не было. Входило в них 9–11 чел. Каждый раз были приезжие, которые эти кружки и организовывали (среди солдат). Политически в это время был уже подготовлен»⁸.

Штарова спросили также, почему он не вступил в партию во время Февральской революции, как он относился к июльским событиям 1917 г., а потом и к октябрьскому перевороту.

Напомню, что Штаров вступил в партию в 1918 г., но это никак не ограничивает партийную комиссию в вопросах...

Где были во время Февральской революции, почему не вступил в партию, и как относился к июльским и октябрьским восстаниям?

– Во время Февральской революции сидел на гауптвахте, а после оттуда направлен в 133 полк.

Какое участие принимал в последующих событиях?

– Был членом ротного комитета, устраивал собрания...

Какое участие (в революционном движении) принимал до 14-го года?

– Самодержавию я не мог сочувствовать, в этом козырь у меня хороший (еврей). Проводил работу среди кустарей и ремесленников за свержение самодержавия. В программах партии я еще не разбирался. <...>

Знал ли, что после свержения должно быть, после свержения самодержавия?

– Я знал, что после свержения должны быть – по опыту 1905 г. – советы, но кто ими должен руководить – не знал⁹.

Чистка была не только партийная, но и антропологическая: идеал послушания и обезличивания коммуниста требовал подтверждения (или не подтверждения) в любых фактах биографии.

Политические ошибки как принцип существования «генеральной линии»

Чистка определяла меру ошибок партийца, безошибочной могла быть только сама генеральная линия партии. Нарком финансов Н.П. Брюханов отделял ошибки технические от прямого несовпадения с мнением партии. Он так и говорил о начальнике управления государственными налогами, Лифшице: «Возглавляя работу по

---

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 44.

с.-х. налогу НКФ, Лифшиц был постоянным докладчиком и членом разных комиссий Политбюро ЦК по вопросам обложения деревни. В этой работе у Лифшица и НКФ в целом были ошибки, которые приходилось поправлять ЦК и правительству, но *ошибки эти были ошибками учета, а не ошибками линии* (курсив мой. – А. Ю.), а основную линию партии в области обложения деревни Лифшиц проводил правильно и никаких уклонов в его практической работе от генеральной линии партии не было»¹⁰.

Без ошибок не бывает, чистка выясняла меру политического уклонения от метафизически недоступной генеральной линии. Если член партии не соглашался признавать свои ошибки, то само это несогласие признавали как уклон от правильности поведения. М.О. Лифшица ругали за неспособность учитывать критику – правильно на нее реагировать. У него был конфликт с партийным комитетом, который возглавлял В.И. Наумов. Лифшицу не нравились придирки партийцев, их постоянное желание навешивать ярлыки – партийцам не нравилась грубость Лифшица. Но Наумов говорил на партсобрании не о его политических ошибках, а прежде всего о том, что Лифшиц ошибок не признает. Секретарь парторганизации понимал, что это обвинение сильнее даже, чем сами ошибки: «Лифшиц никогда не признавался в ошибках. К Лифшицу очень трудно попасть на прием. Если Лифшиц останется во главе Госналога, то задачи, стоящие перед Госналогом, не будут выполнены...»¹¹.

Тем не менее Лифшиц признал, что в работе наркомата допущена политическая ошибка, которую тут же приписали правому уклону – это было на шумевшее «астраханское дело», когда выяснилось, что с частных лиц, занимавшихся заготовкой рыбной продукции, брали пониженный налог, который таким образом поощрял частный бизнес. В конце 1928 г. в газете «Поволжская правда» появились материалы о сращивании частного капитала с финансовыми структурами государства. Астраханский окружной отдел ГПУ начал расследование, вскрылись факты, согласно которым в финансовом аппарате Астрахани председатель губернской налоговой комиссии А.В. Адамов с сотрудниками других отделов снижали налоговое обложение частников, давая им отсрочки на платежи. Лифшиц был наказан – получил выговор от партийной ячейки в 1929 г. – за то, что не обложил астраханских промышленников дополнительным налогом.

Обсуждение незаурядной фигуры выдающегося управленца показало, что одна эпоха уходит, а другая рождается. Лифшиц

¹⁰ Там же. Л. 33 об.

¹¹ Там же. Л. 31 об.

был силен своей рациональностью, смелостью подходов, решительностью, настойчивостью, преданностью делу – эти яркие качества, признаваемые членами парткомиссии, омрачены были его грубостью, резкостью, неуважением к коллегам, с которыми он не находил общего языка. В новой эпохе новостью было то, что любая активная деятельность человека обязательно сопровождалась не только критикой недостатков, но прежде всего превращением этих недостатков в «оппортунистические ошибки». Сложный вопрос о военном налоге, который неоднократно обсуждался на самом верху, а Лифшиц занимал определенную позицию, которая имела поддержку у некоторых высших руководителей партии (в частности, у К.Е. Ворошилова), превращался не в обсуждение рациональное, которое имеет свои аргументы «за и против», а в политическое обвинение о несовпадении с генеральной линией партии.

В результате лишь один человек в комиссии по чистке был за то, чтобы исключить Лифшица из партии (нетрудно догадаться, что это был Наумов), – все прочие проголосовали за оставление его в рядах, но с формулировкой, что Лифшиц игнорировал партийные замечания «на искривление классовой линии в работе Госналога»¹². В новой эпохе нужны безгласные исполнители – и Лифшица снимают с должности, в которой он, даже по мнению некоторых своих недругов, добивался хороших результатов.

Самый яркий пример несовпадения с генеральной линией партии – отношение парткомиссии к уже упомянутому Шанину-Шапиро, который не был успешным исполнителем, как Лифшиц, но зато вместе с Л.Н. Юровским, начальником Планово-экономического управления, олицетворял прежнюю политику энпа, от которой как раз и старались «очиститься». Шанин-Шапиро пытался быть максимально откровенным в описании дореволюционной биографии, но довольно жестко отстаивал себя в современных дискуссиях как человека, совпадавшего с «генеральной линией». Он говорил о себе: в 1923 г. защищал взгляды ЦК партии, выступая против Троцкого, в 1925 г. отстаивал тезисы о необходимости «аграризации страны», писал против идей Кондратьева, возражал Фрумкину, критиковал бухаринские «Заметки экономиста»...

Он признал, что только один раз «разошелся с мнением партии – перед XIV съездом, когда я требовал курса на аграризацию страны»¹³.

Никто ему не поверил. Напротив – было ясно, что члены парткомиссии и рабочие бригады хорошо подготовились к обсуждению

---

¹² Там же. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 20.

Шанина-Шапиро. Они выявляли не столько ошибки, сколько колебания, которые должны были показать, что коммунист «вихляет», пытается приспособиться к обстоятельствам. Его дореволюционная жизнь лишь подтверждала, что заместитель начальника ПЭУ НКФ СССР – приспособленец.

Т. Пальчиковский: Вся практическая работа Шанина в ПЭУ никуда не годится, потому что Шанин не проводил линию, все время находясь между двух стульев. Шанину не место в партии.

Т. Сайгушкин: Во всех зигзагах, которые имеются в политических выступлениях Шанина за последние годы есть определенная линия, а именно игнорирование моментов классовой борьбы, он все время говорит о технико-организационных моментах и поэтому теоретические суждения Шанина очень часто уклоняются от генеральной линии партии.

Т. Ксензакский (ВЛКСМ): По вине Шанина ПЭУ превратилось в орган послушный махрово-кулацким идеологам. Коммунисты в ПЭУ оттирались Шаниным от руководящей работы и Шанин не пытался даже мобилизовать коммунистов ПЭУ на борьбу с буржуазной профессурой...¹⁴

Было найдено определение для характеристики его политической позиции – он «либерал»! Это сказал Шкловский: «В коллегии ПЭУ в борьбе с буржуазной прессой он вел себя не как коммунист, а как либерал. Шанину не место в рядах партии».

Из дореволюционной биографии перекочевало еще одно определение для характеристики Шанина-Шапиро: он остался меньшевиком.

Тов. Рубейн постарался это доказать:

Шанин здесь попытался замазать свои ошибки, а не прямо признал их. Статьи Шанина, напечатанные в «Большевике» за 1926 г., могут быть знаменем кулаков сегодня. В его статьях о деревне в 1926 г. о производственном кооперировании нет ни слова, а между тем Шанин пытался доказать, что он первый поставил серьезно вопросы о курсе на коллективизацию деревни. В Комакадемии при обсуждении контрольных цифр Шанин поддерживал Базарова и утверждал, что пятилетка составлена с перенапряжением для народного хозяйства. Комиссия по чистке должна принять меры, чтобы Шанина не восстановили высшие инстанции. Он был меньшевиком и им остался¹⁵.

¹⁴ Там же. Л. 21.

¹⁵ Там же. Л. 22.

Его поддержали и другие ораторы:

Т. Терехин: Оппортунистические ошибки ПЭУ проистекали из того, что Шанин сомкнулся с буржуазными профессорами ПЭУ и как коммунист потерял свое лицо.

Т. Лебединский: Шанин все время колебался от генеральной линии партии, потому что он ярко выраженный тип индивидуалиста-меньшевика. Не случайно, что он сегодня заявил, что «в данный момент имеется примерное совпадение во взглядах его с взглядами партии». Шанин должен быть исключен из партии навсегда. ...

Т. Лобызев: Шанин не мог и не умел по-большевистски противостоять взглядам буржуазной профессуры в ПЭУ и выступал там как либерал¹⁶.

Понятие «либерал» включалось в обвинение тех коммунистов, которые были в наибольшей степени замечены в осуществлении новой экономической политики и сопротивлялись чрезвычайным мерам.

В партийной среде это понятие распространилось в 1928 г. для обозначения тех, кто колеблется в «мелкобуржуазной стихии», когда партия использует чрезвычайные меры в изымании «излишков» хлеба у крестьян. Вопрос этот обсуждался на июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 г.

Сталин тогда впервые и к удивлению многих большевиков, в том числе Бухарина, назвал эти меры данью, налагаемой на крестьян ради спасения всей экономики страны. Слова «либерализм», «либеральный» Сталин часто использовал для опровержения тех, кто сопротивлялся тезису о дани [Юрганов 2022, с. 339–340].

«Генеральная линия» партии была недоступной истиной, которая существовала для того, чтобы обнажать ошибки коммунистов; и наоборот – ошибки коммунистов обосновывали принцип существования генеральной линии как Культа Ошибки, который никому не позволял оставаться безнаказанным [Юрганов 2020; Юрганов 2024]. Даже те, кто не был уличен в колебаниях (в декабре 1929 г.), не мог рассчитывать на то, что в другой раз не окажется в числе наказанных за малейшее недоразумение. Всякое проявление жизненного процесса есть политическое колебание относительно генеральной линии.

---

¹⁶ Там же.

Личностно-психологические колебания

В повторяющихся обвинениях видны основные мотивы неприятия тех или иных личностных качеств коммунистов. Выделим некоторые из них – наиболее существенные при принятии решения о партийном взыскании.

«Делячество»

Семантика этого понятия оказалась широкой и многоаспектной. В делячестве обвиняли замнаркома М.И. Фрумкина, который, отказавшись от своей ошибочной позиции в 1928 г., оставлял за собой право самостоятельного рассуждения, в котором он пытался объяснить свою позицию. В парткомиссии поняли так, что он оправдывает себя. Смысл обвинения, – не торгуйся! Признавай ошибки без всяких оговорок, ибо ты ошибался не частично, не в чем-то, не в конкретном вопросе – а во всем. Тов. Саррак говорил в прениях: «Ответы Фрумкина есть делячество». Ему вторил тов. Шкловский: «Четкой установки у Фрумкина не имеется. Основы разногласий у него остаются. Заявление более деляческое, а нужно было бы от него получить политическое (заявление. – А. Ю.)»¹⁷.

Одного из руководителей Управления финансирования народного хозяйства, Г.Д. Пальчиковского, обвинили в том, что он пытался договориться с тов. Ганиным о том, чтобы тот поддержал его утверждение о наличии партстажа. Ганин ему отказал. Тогда, со слов Ганина, Пальчиковский «направил на меня заявление в Бюро ячейки о правом уклоне в моем отделе. Из этого я заключаю, что Пальчиковский в этом отношении грязен. *Если он когда-либо не купил, то будет ему все позволено* (так в тексте. – А. Ю.) для оклеветания этого товарища»¹⁸. При обсуждении начальника Управления государственными налогами, М.О. Лифшица, всплыла история с получением посылки из-за границы. Ему пришлось объяснять: «посылка стоила 120 р., а пошлина была назначена с штрафом в 450 р., я просил таможду, Тарифный комитет, сделать мне скидку и мне скинули 75% с пошлины»¹⁹. Кроме того, Лифшиц вынужден был рассказать и больших гонорах за литературную деятельность, – это тоже не понравилось парткомиссии: «Я получаю большие гонорары за мои литературные работы, но я пишу не по своей инициативе, а потому что просят дать статью, при чем ни-

¹⁷ Там же. Л. 17–17 об.

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 31.

когда я не просил определенного вознаграждения, а издательство сами назначают мне ставки. Госиздат мне платит 150 р. за печатный лист и за одну книгу недавно я получил от Госиздата 4000 р., из которых 1700 внес в партийную кассу»²⁰. Тов. Соколовский сказал на обсуждении: «Учитывая, что установлены факты использование Лифшицем своего положения в корыстных целях, что он груб и что извращает классовую линию, я считаю, что Лифшица нужно выгнать из партии»²¹.

«Барство»

М.О. Лифшица, начальника Управления государственными налогами, обвиняли в том, что к нему нельзя попасть на прием. Тов. Ганин говорил: «...он меня выставил из кабинета»²². Особенно заметны были «элементы барства» у А.И. Вайнштейна, начальника Госфинконтроля. Тов. Кудрявцева говорила: «...у Вайнштейна есть элементы барства, так как он не может запросто относиться к сотрудникам»²³. Тов. Берков уточнял: «...к т. Вайнштейну очень трудно попасть на прием, а если попадешь, то он очень невнимателен к мнению рядовых сотрудников». Настоящей жертвой невнимательного отношения Вайнштейна к сотрудникам стал беспартийный тов. Пульнер: «Я три года и по служебной, и по общей линии будировал вопрос о непорядках в центральной Бухгалтерии ГФК, но несмотря на все мои попытки я не был принят Вайнштейном; если бы мне удалось лично переговорить с ним, многие недостатки в работе были бы устранены»²⁴.

Я.А. Теумина, начальника Бюджетного управления, критиковали за то, что он использовал служебную машину в личных целях. Тов. Щербаков говорил: «Мне дали путевку подать машину Теумину к парикмахерской. Постоял 20–25 минут, не дождался. Затем пришлось подавать машину второй раз»²⁵. Теумин ответил на критику, понимая, что могут наказать по партийной линии: «...дело с машиной недоразумение»²⁶. За использование служебного транспорта в личных целях ругали и Вайнштейна. Все тот же тов. Щербаков говорил: «Рабочие гаража считают Вайнштейна бюрократом, потому что он

---

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 34.

²² Там же. Л. 34 об.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 19 об.

злоупотреблял своим правом пользования автомобилем, он ездил на дачу на машине, долго задерживал шофера и машину»²⁷. Вайнштейн, как и Теумин, постарался оправдаться, чтобы не получить партийное взыскание. В заключительном слове он говорил: «Я никак не согласен с характеристикой, что у меня много “барства”. Я считаю, что в обращении с сотрудниками я в меру демократичен. Я ездил летом на дачу на автомобиле, потому что машина экономит время и на замечания, которые мне сделал т. Щербаков на счет пользования автомобилем, не характеризует меня как человека с барскими замашками»²⁸.

Г.Д. Пальчиковский, озабоченный своими проблемами с партактажем, не сам пошел в отдел учета партийных кадров, а отправил туда – искать личное дело – своего секретаря. Тов. Лобызева откомментировала: «Такой поступок – не коммунистический»²⁹.

«Вранье» и «хвастовство»

О секретаре парторганизации наркомата, В.И. Наумове, было сказано немало хорошего, но прозвучали и сильные замечания. Они, в конечном счете, сыграли свою роль при принятии партийного решения. В стенограмме было отражено выступление тов. Мужиченко: «Наумов тверд, выдержанный, но часто врет. Приводит случай с Жагровой, когда Наумов дал ей явно несоответствующую характеристику, а именно: Жагрова имеет и исполняет целый ряд общественных нагрузок, а Наумов дал (ей) характеристику как антиобщественнице. Другой случай с Цукановым. Наумов наклеветал на Цуканова, что будто бы последний говорил о том, что выдвиженцы никуда не годятся и им крышка здесь. Оказывается, что Цуканов ничего этого не говорил»³⁰.

Не протолкалось и банальное хвастовство. Тов. Соболев говорил о Лобызевой-Ликоренко: «Лобызева любит похвастаться, разговаривает с кем-либо по телефону и говорит – я еще не поговорила с Брюхановым (наркомом. – А. Ю.)». Стоило ли на такое вообще обращать внимание! Но, как это ни удивительно, именно эти «мелочи» чаще всего попадали в решения партийной комиссии: Лобызевой-Ликоренко, в частности, был объявлен выговор за халатное отношение к своим обязанностям и «за хвастовство»³¹.

²⁷ Там же. Л. 29 об.

²⁸ Там же. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 48 об.

³¹ Там же. Л. 59.

«Нетвердость»

Один из выдвиженцев, А.И. Родионов, был замечен как сотрудник наркомата, который неоднократно «попадал под оппозиционное влияние». Сам он рассказывал о себе: попал под влияние троцкиста, инструктора на фабрике, тов. Бронштейна, выражая непонимание политикой партии по хозяйственным вопросам, потом был наказан партийным комитетом за то, что не отобрал «оппозиционную литературу у тов. Нечаева, работавшего в Госбанке. Он же сообщил Родионову, как прошла ноябрьская демонстрация троцкистов (в 1927 г.) Родионов говорил, что спорил с Нечаевым, но взял троцкистскую листовку – «по поводу ноябрьской демонстрации». Сотрудники наркомата финансов, Соловьев и Эйдеман, узнали об этом, пришли в партийную «тройку» – и донесли на Родионова. Его вызвали и потребовали отдать листовку. Родионов получил партийное замечание. На комиссии Родионов сказал: «Эту ошибку я признаю и сейчас отошел от этого»³².

В прениях тов. Климов говорил о Родионове: «Когда я пришел в Управление, атмосфера была напряженная. Родионов был уже там и не пришел со мною поговорить. В 1923 г. Родионов был в оппозиции и когда выходил, наверно, давал честное слово, а в 1927 г. спорил и ругался с троцкистом и в то же время читал листовки. Зачем он читал, когда он уже знает и без этого. Родионов не сказал тройке, что к нему ходит троцкист, а начал об этом говорить с отдельными партийцами, уединялся с этим троцкистом, может быть это было все с целью. Нужно сказать ему, чтобы этого не повторялось»³³. Выдвиженцам многое прощалось. Решение комиссии – достаточно мягкое: «Считать проверенным. За политическую неустойчивость, попадание под влияние чуждых людей и слабое участие в рационализации аппарата объявить выговор и считать целесообразным использовать на другой работе»³⁴.

«Колебания» бытовые. Отношения с родителями

Под прицелом партийной комиссии оказывались прежде всего те, у кого родители были классово чуждыми. Требовалось не скрывать эту связь, признаваться, если она есть, но также доказывать, что коммунист предан партии, а не семье. Один из руководителей

³² Там же. Л. 57–57 об.

³³ Там же. Л. 58 об.

³⁴ Там же. Л. 56.

Управления финансирования народного хозяйства наркомата, Григорий Дмитриевич Пальчиковский, стал настоящей мишенью для критики его партийных качеств в связи с сомнительной историей его отца, крупного предпринимателя.

Пальчиковский ничего не скрывал: бывший офицер царской армии, в партии большевиков с 1916 г., закончил реальное училище, затем Юридический факультет университета. В автобиографии было сказано: «...родился в семье крестьянина с кулацким хозяйством и владельца предприятий». Пальчиковский уверенно повторял: «...я всегда говорил и все знают, что мой отец кулак». Партийная комиссия по чистке создавала специальные рабочие бригады, которым поручалось проверять каждого коммуниста – по всем направлениям его деятельности. И – по отношениям в семье тоже.

«Был ли ваш отец приговорен к расстрелу?» – спросили со знанием дела. Пальчиковский ответил: «Да, я его сам арестовывал, и он был в 1919 г. направлен в уездный город Крелевец как контрреволюционер. Сейчас он жив. Кто его спасал, я этого не знаю. С 1919 г. я с ним никакой связи не имею»³⁵.

Комиссия не успокаивалась. Если бы сын расстрелял отца – не было бы вопросов. А тут – арестовал и не расстрелял. Странно! Рабочая бригада явно что-то накопила против Пальчиковского: вопросы показывали, что в отношениях коммуниста и его родителей все как-то не чисто:

Где он сейчас?

– Сейчас он живет на старом месте.

Как же он такой контрреволюционер не был расстрелян?

– Я этого не знаю.

Чем занимается отец сейчас?

– Ему сейчас 87 лет, он лишенец, сейчас ничего не делает. Денег я ему сейчас даю руб. 30–35 в месяц. С 1919 г. я у отца не был. Еще я у него был дня два, было это в 1926 г. Делал там доклад в ячейке.

Будучи зимой в отпуске, – где ты был?

– Был на Украине в лесничестве Мутанском, с женой³⁶.

На вопросы опасно было отвечать ложью. Пальчиковский вынуждено рассказывал о своей семье правду, и это еще больше подливало масла в огонь.

---

³⁵ Там же. Л. 24 об.

³⁶ Там же. 24 об. – 25.

Получал ли помощь от отца, когда учился в Москве?

– До 1912 г. я жил на иждивении отца. Участь в университете помощи от него не имел. На мельнице у отца работал с конца 1911 и в начале 1912 г. Сейчас я отцу плачу добровольно, поскольку в этом антипартийного ничего не вижу. Стаж мой партийный установлен с 1916 г.

Изменил ли Ваш отец свои взгляды?

– Нет³⁷.

Прения показали, что Пальчиковского стали серьезно подозревать в том, что он вел двойную игру: арестовывал отца, чтобы спасти его от расстрела...

Тов. Оганесов говорил: «Я тов. Пальчиковского не знаю, но, судя по его связи с отцом, считаю это недостойным для члена партии». Тов. Доценко был свидетелем странной истории с отцом Пальчиковского и добавил еще больше сомнений: «Отец его арестован раз 10, но почему его не расстреляли – не знаю». Впрочем, догадку он сам же и высказал: в то время ревком был «бандитский» и «спекулятивный». Расстрел откладывался по меркантильным соображениям: «Отец Пальчиковского был крупным подрядчиком по ж. дор. строительству и имел свой крахмальный завод. При продаже Ревкому крахмала, ревкомцами была принята взятка и когда об этом я заявил на одном городском собрании, меня арестовали и хотели расстрелять»³⁸. Доценко вспомнил, что в 1920 г. отец Пальчиковского был в Комитете «по распределению контрибуции среди буржуев гор Кравеца». Что из этого следует – неясно. А что касается сына, то Доценко поставил под сомнение его вступление в партию в 1916 г.: «Я полагаю, что Пальчиковский в партию вступил в 1918 г.» Однако и в этом он не был до конца уверен: «...я ездил к себе на родину и знаю, что в г. Коропе о том, что Пальчиковский коммунист, никто не знает»³⁹.

Тов. Ганин тоже удивился, что не расстреляли отца и предположил участие сына: «Отец его арестовывался неоднократно, но почему-то освобождался. Наверное, не без участия сына». Ганин заявил, что Пальчиковский «как будто бы имел электростанцию на свое имя. Я думаю, что заслуга в такой “электрофикации” СССР заслуга его плохая»⁴⁰.

Неожиданно выступил тов. Либерман. Он сказал, что может дать справку: «О расстреле отца тов. Пальчиковского ставили на голо-

---

³⁷ Там же. Л. 25.

³⁸ Там же. Л. 25 об.

³⁹ Там же. Л. 25.

⁴⁰ Там же.

сование на сходе и за расстрел был подан только один голос»⁴¹. Либерман подтвердил, что Пальчиковский-сын действительно сидел в тюрьме в 1910 г., но вот что он потом стал коммунистом – не знает.

Выступление тов. Панова еще более накалило обстановку: он заявил, что, хотя Пальчиковского не знал раньше, но плохо, что он «свою революционную работу сменил на жену и благополучие». Судя по всему, Панов был одним из членов рабочей бригады, которые специально занимались поиском компрометирующих фактов. Так возник новый поворот в расследовании бытовых колебаний коммуниста и новый вопрос: «Тов. Пальчиковский имел близкие отношения с одной гражданкой, как будто бы женой, и она застрелилась. Почему это?».

Пальчиковский ответил: «В 1921 г. моя жена, Ванда Шадуйкис, покончила жизнь самоубийством. В этом доме жил т. Кузнецов, Храмов и я. В 1921 г. при моей чистке мне было предъявлено обвинение, что подпал под влияние своей жены. В то время при приезде в Харьков мне за неимением квартиры дали дня на три комнату в одной больнице. Неимение жил. площади заставляло меня брать ее с собой в автомобиле. Жена застрелилась по причинам моего исключения из партии»⁴². Что касается родителей, но Пальчиковский не мог скрыть, что связь с родителями прервалась: «Деньги я посылаю отцу и матери как стариками, которые в беспомощном состоянии»⁴³.

В итоге – решение об исключении из партии: «Тов. Пальчиковский, выходец из крупно-буржуазной семьи (отец его бывший городской голова и крупный предприниматель) с 1908 по 1911 г. состоял в партии соц. Революционеров; бывший офицер царской армии; ничем не может подтвердить обстоятельства и время своего вступления в партию; будучи, по его заявлению, членом партии с 1916 г., организовывал во время власти белых на Украине (в начале 1919 г.) крупное промышленное предприятие, на ковое дело внес 200 тыс. рублей, что подтверждается подлинным договором, скрыл это от партии; до последнего времени поддерживает связь с буржуазной семьей своих родителей, проводит у них отпуска, оказывает регулярную материальную поддержку; во время чистки в 1921 г. был исключен из партии за семейно-бытовую историю (самоубийство жены) – тов. Пальчиковского из партии исключить, как чуждый элемент, примазавшийся к партии, скрывший свое прошлое, и, не порвавший с ним – снять с работы в НКФ»⁴⁴.

---

⁴¹ Там же. Л. 26.

⁴² Там же. Л. 26.

⁴³ Там же. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 24.

Пальчиковского уличили в том, что он скрыл от партии свое членство в партии эсеров с 1908 по 1911 г. Комиссия также выявила, что во время «белых на Украине», в начале 1919 г., он имел крупное предприятие, скрыл договор на большую сумму денег. Все другие факты колебаний обсуждались – в том числе и чуждость партии большевиков за связь с родителями (регулярно посещал их и оказывал материальную помощь).

Внебрачные связи

Серьезные проблемы в партийной чистке возникли у Федора Алексеевича Зотова, выдвиженца, инструктора по подоходному налогу. О проблемах его личной жизни спросили сразу: «Расскажи о бытовой стороне твоей жизни?». Намек был понят правильно – Зотов рассказал об отношениях с сестрой жены. Оказалось, что во время болезни жены, сестра ее жила вместе с ними около четырех месяцев. Зотов утверждал, что никаких интимных отношений с сестрой не было. Она уехала в деревню, а Зотов женился во второй раз. Но вскоре сестра вернулась и подала в суд на уплату алиментов. Суд присудил – платить. Сестра жены никуда не уехала, а стала жить с Зотовым и его новой женой в квартире.

Зотов до конца оставался на позиции, что это недоразумение. Но ему никто не поверил. Тов. Спасская высказалась вполне определенно об ответственности коммуниста: «Коммунист должен быть честным *не только на службе, но и в быту* (курсив мой. – А. Ю.). У него умерла жена, он сошелся с сестрой ее, прогнал ее – женился еще. Сестру жены вселили к нему судом»⁴⁵. Председатель партийной комиссии спросил Зотова: «...расскажи – в чем дело». Зотов ответил: «Я уже говорил, что плачу алименты невинно. Мне доказать не удалось суду своей невинности. Сейчас живем в комнате все трое, и никто ее ко мне не вселял. Живет добровольно у меня, получает треть, ничего не делает и живет припеваючи»⁴⁶.

Ситуация такая – хочешь верь, хочешь не верь. Зотова поддержал тов. Буйницкий: «Я Зотова знаю с самого момента прихода в Наркомфин. Зотов производил впечатление скромного, честного и порядочного человека. Я никак не могу поверить тому, что здесь обнаружилось»⁴⁷. Сам Зотов, оправдываясь, говорил на собрании: «В заключение должен заявить, я никогда на женщин,

---

⁴⁵ Там же. Л. 67 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

как на игрушку, не смотрел. Повторяю, здесь со мной случилось недоразумение»⁴⁸.

Решение партийной комиссии: «Считать проверенным. За не вскрытие правого уклона на практике (налоговой секции) и некоммунистическое отношение к трудящейся женщине (после легкой связи выгнал из комнаты) объявить выговор и перебросить на производство по специальности»⁴⁹.

Бытовой антисемитизм

Нередко бытовые истории сплетались в клубок разнообразных прегрешений. В таком водовороте оказался Петр Григорьевич Соловьев, инспектор НКФ СССР, которого сразу спросили, как он относится к своей работе в Жилтовариществе. Слухи, сплетни, «квартирный вопрос» порождали у «чистильщиков» интерес к этой деятельности.

Пришлось Соловьеву отчитываться: «В нашем доме рабочих в полном смысле этого слова нет. Около 100 чел. жильцов являются трудящимися и служащими с низкооплачиваемыми окладами. Большинство же жильцов представляет из себя бывших чиновников Министерства финансов, так как дом был раньше НКФина. В доме идет классовая борьба. Правление сейчас ведет линию за то, чтобы низкооплачиваемых жильцов, которые, главным образом живут в подвалах, перебросить на верхние этажи в лучшие комнаты»⁵⁰.

«Классовая борьба» в жилтовариществе! На вопрос «Сколько лишили граждан членства в жилтовариществе?» Соловьев ответил: «Лишено было около 28 человек, но потом восстановлено».

Председатель партийного собрания неожиданно вклинился в общий разговор, чтобы сообщить: «...здесь на т. Соловьева представлен обвинительный материал по работе его как председателя Жилтоварищества. Материал подан членом жилсекции Моссовета тт. Айдаровым и Голиковой. Обвинения сводятся к двум основным пунктам: 1) Соловьев как председатель Жилтоварищества в своей работе искривлял классовую линию и 2) обвинение Соловьева в антисемитизме. Разрешите зачитать материал. Читает»⁵¹.

Соловьев пустился в долгие объяснения – как из «квартирного вопроса» возник еще и бытовой антисемитизм: «Эти заявления возникли до соединения двух домов в Жилтоварищество и даже до

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 67.

⁵⁰ Там же. Л. 71 об.

⁵¹ Там же. Л. 73–73 об.

моего пребывания в этом доме. При объединении домов фракция ВКП(б) выдвинула список в члены правления, в который не были введены Овсеевич и Берлин. По заданию районного комитета нужно было создать крепкое правление и твердую фракцию. Овсеевич и Берлин были членами правления в одном из сливающихся домов. После не введения этих товарищей в правление Объединенного товарищества, они стали распространять и вести демагогическую пропаганду, например список, выставленный фракцией Берлин на беспартийном собрании, старался опорочить, говоря, что фракция незаконная организация и хочет протащить список; между тем, Берлин член партии и был на фракции, когда утверждался этот список. С этого времени начинается кампания по обвинению меня в антисемитизме. Берлин распространяет и ведет разговоры, что он старый большевик, не вводится в правление потому, что еврей и дабы не раскрыть темные дела правления. Фракция наметила к лишению членства в жилтовариществе около 12 человек, из них оказалось 7 человек евреев. Коммунистка Овсеевич объявила этот список как антисемитский поступок, это разбиралось на районной Контрольной Комиссии. РКК нам не порекомендовала проводить кампанию по лишению членства жилтоварищества в виду несвоевременности и весь список был отменен. После этого случая Овсеевич, Берлин и Моткин, все члены ВКП(б), пользуясь острым жилищным положением и желая скомпрометировать меня, вызывают членов жилсекции Моссовета для обследования работы правления. Баранов – бывший истопник, сейчас рабфаковец, на повестки Биржи труда, приглашающие явиться для посылки на работу, не является. У него есть богатая тетюшка, благодаря которой он имеет каждый год дачу. Контрольная Комиссия Хамовнического района расследовала вопрос по обвинению меня в антисемитизме в мае 1929 г. и реабилитировала меня. Берлину и Овсеевич РКК вынесло выговор за непартийное поведение»⁵².

Некоторые сотрудники категорически отрицали в поведении Соловьева «черты антисемитизма». Сам он не воспользовался заключительным словом. Было принято решение, что Соловьев виноват не в антисемитизме, а в «примиренческом отношении» к нему: «Считать проверенным. За примиренческое отношение к антисемитизму в жилтовариществе, невнимательное отношение к нуждам рабочих при распределении жилплощади, за неучастие в оздоровлении аппарата – объявить выговор и снять с работы НКФина и жилтоварищества»⁵³.

---

⁵² Там же. Л. 73 об.

⁵³ Там же. Л. 74 об.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что партийная чистка в НКФ СССР, в главном интеллектуальном центре экономической политики, показала, что стратегическая цель перехода к чрезвычайным мерам в сельском хозяйстве и ускоренной индустриализации требовала смены аппарата – замену одних людей на других не по качествам интеллекта и способностям управлять сложнейшими процессами, а по склонности ума выполнять любые приказы, без обсуждения, но с верой в истинность предлагаемого партией. На смену Уставу партии приходит новый (и неформальный) критерий, сущность которого заключается в обезличивании всего человеческого, в стремлении искоренить любое «колебание» коммуниста как проявление личного начала [Юрганов 2022]. Эта чистка – первый и самый важный этап в создании тоталитарной системы власти. На смену сложным компромиссам новой экономической политики приходит эпоха Культа Ошибки.

Литература

- Анфертьев 2020 – *Анфертьев И.А.* Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП(б) как инструменты борьбы за власть. М.: ИНФРА-М, 2020. 593 с.
- Киселева 2014 – *Киселева Е.Л.* Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг.: Основные комплексы источников, их анализ и значение: дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014. 179 с.
- Нерар 2011 – *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды: Разоблачения и доноительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. 397 с.
- Смирнова 2003 – *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М.: Издат. дом «Мир истории», 2003. 296 с.
- Юрганов 2020 – *Юрганов А.Л.* Культ Ошибки: Теоретический фронт и Сталин (середина 20 – начало 30-х годов XX в.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 219 с.
- Юрганов 2022 – *Юрганов А.Л.* В кривом зеркале сатиры: Культ вожда партии большевиков и официальная сатира в середине 20 – начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 494 с.
- Юрганов 2024 – *Юрганов А.Л.* О первоначальной редакции пьесы «Страх» сталинского драматурга Александра Афиногенова: 1930-е годы // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 480–494.

References

- Anfert'ev, I.A. (2020), *Modernizatsiya sovetskoi Rossii v 1920–1930-e gody: programmy preobrazovaniĭ RKP(b) – VKP(b) kak instrumenty bor'by za vlast'* [Modernization of Soviet Russia in the 1920s – 1930s. Programs of reforms of the RKP(b) – VKP(b) as instruments of struggle for power], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Kiseleva, E.L. (2014), *Chistka gosudarstvennogo apparata 1929–1932 gg.: Osnovnye komplekсы istochnikov, ikh analiz i znachenie* [The purge of the state apparatus 1929–1932. The main sources, their analysis and significance], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Nerar, F.-K. (2011), *Pyat' protsentov pravdy: Razoblacheniya i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928–1941)* [Five percent of the truth. Disclosures and snitching in Stalin's USSR (1928–1941)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Smirnova, T.M. (2003), «*Byvsie lyudi*» *Sovetskoi Rossii: Strategii vyzhivaniya i puti integratsii, 1917–1936 gg.* ["Former people" of Soviet Russia. Strategies of survival and paths of integration, 1917–1936], Izdatel'skii dom "Mir istorii", Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2020), *Kul't Oshibki: Teoreticheskii front i Stalin (seredina 20 – nachalo 30-kh godov XX v.)* [The Cult of Error. The theoretical front and Stalin (mid-20s – early 30s of the 20th century)], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Yurganov, A.L. (2022), *V krivom zerkale satiry: Kul't vozhdya partii bol'shevikov i ofitsial'naya satira v seredine 20 – nachale 30-kh godov* [In the crooked mirror of satire. The cult of the Bolshevik Party leader and official satire in the mid-20s – early 30s], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2024), "About the original version of the play 'Fear' by Stalinist playwright Alexander Afinogenov. 1930s", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 480–494.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Yurganov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; Iurganov@yandex.ru